

JODI PICOULT

КНИГИ
ДЖОДИ ПИКОЛТ

Деятнадцать минут

Простая правда

Второй взгляд

Сохраняя веру

ДЖОДИ ПИКОЛТ

СОХРАНЯЯ ВЕРУ

РОМАН

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
П 32

Jodi Picoult
KEEPING FAITH
Copyright © 1999 by Jodi Picoult
Published by arrangement with William Morrow,
an imprint of HarperCollins Publishers
All rights reserved

Перевод с английского Марии Николенко

Серийное оформление и оформление обложки
Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16809-1

© М. П. Николенко, перевод, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Лоре Гросс

Десять лет назад вы с такой силой поверили в меня, что смогли убедить издательский мир рискнуть, и я начала печататься. За следующие сорок-пятьдесят лет плодотворного сотрудничества и за нашу дружбу! Теперь вы понимаете, почему я не могла посвятить эту книгу падре Пио?

ПРОЛОГ

10 августа 1999 года

При обычных обстоятельствах нас с Верой не было бы дома в тот момент, когда мама позвонила нам, чтобы мы пришли посмотреть на ее новехонький гроб.

— Мэрайя? — удивилась она, услышав в трубке мой голос. — Не думала, что застаю тебя...

— Продуктовый магазин закрыт, потому что в овощном отделе система орошения вышла из строя и все затопила, — вздохнула я. — А у хозяина химчистки кто-то умер.

Сюрпризов я не люблю. Предпочитаю придерживать-ся плана. Моя жизнь напоминает мне новенький органайзер, где все аккуратно и каждый ярлычок на своем месте. Этим я обязана своему образованию — у меня диплом архитектора — и упорному нежеланию стать такой, как моя мать. За каждым днем я закрепила определенное назначение: в понедельник собираю стены кукольных домиков, во вторник обставляю их мебелью, среда — день разъездов, четверг — день уборки, в пятницу я занимаюсь внеплановыми делами, накопившимися за неделю. Сегодня среда. Обычно я забираю рубашки Колина, еду в банк, потом закупаю продукты. Едва успеваю вернуться домой и разобрать покупки — пора везти Веру на балет. Урок начинается в час дня. Но в этот раз по независящим от меня причинам мне некуда девать свободное время.

— Ну что ж... — говорит мама в своей неподражаемой манере. — Значит, самой судьбе угодно, чтобы ты ко мне приехала.

Вдруг передо мной появляется Вера:

— Это бабушка? Ей привезли?

— Что привезли?

Еще только десять утра, а у меня уже болит голова.

— Скажи Вере, что привезли, — говорит мама на другом конце провода.

Я оглядываю комнату: падо бы ковер пропылесосить, но если я сделаю это сегодня, то чем буду заниматься завтра?

В стекла тяжело барабанит августовский дождь. Вера кладет мягкую теплую ладошку мне на колено.

— Ладно, — говорю я матери. — Сейчас приедем.

Мама живет в двух с половиной милях от нас в старом каменном особнячке, который все в Нью-Ханаане¹ называют Пряничным домиком. Вера видится со своей бабушкой почти каждый день. Играет у нее после школы в дни, когда я работаю. Мы могли бы и пешком дойти, если бы не погода. Только сели в машину, как я вспоминаю, что забыла сумочку на кухонной столешнице.

— Подожди, — прошу я Веру и, сгорбившись, будто боюсь растаять от дождя, бегу к дому.

Открываю дверь, и тут же звонит телефон. Беру трубку:

— Алло?

— О, ты дома? — произносит Колин.

При звуке его голоса мое сердце словно бы подпрыгивает. Мой муж — менеджер по продажам в маленькой фирме, которая производит светодиодные таблички с надписью «Выход». На два дня ему пришлось уехать в Вашингтон, чтобы проинструктировать нового торгового представителя. Мы с мужем как шнурки на туго затя-

¹ Официально город Нью-Ханаан называется Нью-Кейнан. — *Здесь и далее примеч. перев.*

путом высоком ботинке. Не можем друг без друга. Потому-то он сейчас и звонит.

— Ты в аэропорту?

— Да... Застрял тут, сижу...

Наматывая телефонный провод на руку, я вслушиваюсь в слова Колина, в его округлые гласные и слышу то, что он стесняется сказать на людях: «Люблю тебя. Скучаю по тебе. Ты моя». Механический голос объявляет о прибытии очередного рейса.

— У Веры сегодня бассейн?

— Нет, танцы. В час. — Секунду помолчав, я мягко спрашиваю: — Когда ты будешь дома?

— Как только смогу.

Я прикрываю глаза. Что может быть лучше, чем обнять вернувшегося из командировки Колина, уткнуться лицом в изгиб его шеи, наполнить легкие его запахом! Колин вешает трубку не попрощавшись. Я улыбаюсь: это очень похоже на моего мужа. Он так торопится домой, ко мне!

Пока мы едем к моей маме, дождь прекращается. Возле большого футбольного поля на окраине города машины одна за другой съезжают на узкую обочину. Над сочной зеленой травой выгнулась идеально правильная радуга. Я не останавливаюсь, а даже наоборот, прибавляю скорости:

— Можно подумать, эти люди никогда ничего подобного не видели!

Вера опускает стекло и высовывает ручку наружу, потом протягивает ее мне.

— Мамочка! — кричит она. — Я потрогала радугу!

Я машинально опускаю глаза и вижу на пальчиках дочки разноцветные полосы: красную, синюю, светло-зеленую. У меня перехватывает дыхание. Но через секунду я вспоминаю, что час назад Вера сидела на полу гостиной, зажав в кулачке разноцветные фломастеры.

Доминанта гостиной моей мамы — довольно уродливый угловой диван с обивкой «Ногехайд»¹ телесного цвета. Я пыталась уговорить ее купить красивый мягкий гарнитур из натуральной кожи с парой вольтеровских кресел, но она только рассмеялась: «Кожа — это для гоев с фамилиями прибывших на „Мэйфлауэре“ переселенцев». И я от нее отстала: во-первых, кожаный диван есть у меня самой, во-вторых, я замужем за гоем, который действительно носит фамилию одного из прибывших на «Мэйфлауэре». Хорошо, что мама хотя бы не накрыла свой «Ногехайд» полиэтиленовой пленкой, как делала бабушка Фанни, когда я была маленькой.

Сегодня, как только я вошла, в глаза мне бросилось другое мамино приобретение, затмившее диван.

— Ух ты, бабуля! — восторженно шепчет Вера. — Там кто-нибудь есть?

Быстро опустившись на колени, она стучит в отполированную до блеска стенку продолговатого ящика из красного дерева. Если бы сегодня был нормальный день, я бы сейчас щупала и нюхала мускусные дыни, выбирая ту, которая поспелее, или, вручив мистеру Ли тринадцать долларов сорок центов, забирала у него семь рубашек, до того накрахмаленных, что, когда кладешь их на заднее сиденье машины, они лежат там, как обрубки тел.

— Мама, что гроб делает у тебя в гостиной?!

— Это не гроб, Мэрайя. Видишь стекло сверху? Это гробовой столик.

— Гробовой столик?

В доказательство своих слов мама ставит на стекло кофейную кружку:

— Видишь?

— И все-таки у тебя в гостиной гроб, — повторяю я, не в силах переступить через этот камень преткновения.

¹ «Ногехайд» — фирменное название кожзаменителя, используемого для обивки мебели; ассоциируется с плохим вкусом и претензией на зажиточность.

Мама садится на диван и кладет на свой гробовой столик ноги:

— Знаю, дорогая. Сама выбирала.

Я хватаюсь за голову:

— Ты же только что была у доктора Фельдмана, и он сказал, что ты, может, всех нас переживешь, если будешь регулярно принимать таблетки от давления.

— Когда это случится, — пожимает плечами мама, — у тебя будет одной заботой меньше.

— Ради бога, мама! Ты обиделась из-за того, что Колин упомянул о новом жилом комплексе для пожилых людей? Клянусь, он просто думал, что тебе было бы...

— Успокойся, милая. В ближайшее время я не собираюсь сыграть в ящик. Просто в гостиной нужен стол, а у этого такой приятный цвет. Его изготовил мастер из Кентукки, про которого я видела сюжет по телевизору.

Вера растягивается на полу возле гроба.

— Ты можешь в нем спать, бабуля, — предлагает она. — Будешь как Дракула.

— Признайся: за такое качество и помереть не жалко, — говорит мама.

Вот уж действительно качество — умереть не встать! А если серьезно, то гроб очень красивый: отполированное красное дерево блестит, как морская гладь, все скосы и соединения выполнены безукоризненно, петли сверкают, как маячки.

— К тому же цена хорошая, — добавляет мама.

— Только, пожалуйста, не говори мне, что он уже был в употреблении.

Мама фыркает и смотрит на Веру:

— Твоей мамочке не мешало бы немного расслабиться.

В той или иной форме я выслушиваю от нее это пожелание уже несколько лет. Но дело в том, что, когда я ослабилась в последний раз, потом еле смогла себя собрать.

Мама опускается на пол рядом с Верой, и они вместе тянут за медные ручки. Их светлые волосы — мамины крашенные и дочкины естественные — соприкасаются, так что не поймешь, где чьи. Вдвоем им удается сдвинуть гроб на несколько дюймов. На ковре остается вмятина, которую я пытаюсь загладить своей подошвой.

Нам с Колином повезло больше, чем многим. Мы поженились рано, но до сих пор живем вместе, хотя далеко не все на нашем пути было гладко. Наверное, это отчасти объясняется какой-то химией. Я знаю: когда Колин на меня смотрит, то не видит ни десяти фунтов, которые я так и не сбросила после родов, ни тонких седых прядок. Для него мое тело остается таким, каким было в студенческие годы. Кожа нежная и упругая, волосы струятся по спине. Он запомнил меня на пике моей формы и время от времени говорит, что я его лучшее воспоминание.

Иногда мы ужинаем с его коллегами, коллекционирующими жен, как трофеи. И тогда я понимаю, до чего же мне повезло с Колином. Держа руку у меня на спине, менее загорелой и подтянутой, чем у молоденьких моделей, он гордо произносит: «Моя жена». Я улыбаюсь. Быть его женой — это все, что мне нужно.

— Мамочка!

Дождь пошел опять. По дороге хоть на лодке плыви, а я всегда довольно неуверенно чувствовала себя за рулем.

— Ш-ш-ш! Мне нужно сосредоточиться.

— Но мамочка! — настаивает Вера. — Это очень-пре-очень важно!

— Нам с тобой очень-преочень важно доехать до твоей балетной школы и не убиться.

На одну секунду воцаряется благословенная тишина. Но потом Вера начинает пинать сзади мое кресло.

— Я не взяла балетный купальник, — хнычет она.

ПРОЛОГ

— Не взяла? — Я съезжаю на обочину и, повернувшись, смотрю на дочку.

— Не-а. Я не знала, что на занятие мы поедем прямо от бабушки.

Я чувствую, как по шее разливается краска досады: мы ведь всего каких-нибудь двух миль не доехали до танцевальной студии!

— Господи, Вера! Чего же ты раньше молчала?!

Ее глазки наполняются слезами.

— Я только сейчас поняла, что мы едем на балет.

Я ударяю рукой по рулю, сама не зная, на кого сержусь: на Веру, на маму, на дождь или на вышедшую из строя оросительную систему в продуктовом магазине. Так или иначе, благодаря им всем день можно считать испорченным.

— Мы ездим на балет каждую среду после ланча! — Я разворачиваю машину, стараясь не слушать совесть, которая подсказывает мне, что я очень уж сурова с малышкой, ведь ей всего семь лет.

— Не хочу домой! — кричит Вера, плача. — Хочу на балет!

— Мы только заедем за твоим купальником и поедем на занятие, — говорю я сквозь зубы.

Это значит, мы опоздаем на двадцать минут. Я представляю себе, какими взглядами встретят нас другие мамы, когда мы ворвемся в студию посреди урока. Мамы, которые, несмотря на потоп, смогли привезти детей вовремя. Мамы, которым не так тяжело делать вид, будто им легко.

Мы живем в столетнем фермерском коттедже. С одной стороны его окружает глухая каменная стена, а с другой — начинается лес, который и занимает большую часть участка в семь акров за домом. А спереди, прямо под окнами, проходит дорога. Ночью полосы света от фар бегают по нашим постелям, как луч маяка. Коттедж по-

лон противоположностей, притягивающих друг друга: просевшее крыльцо и новенький стеклопакет, ванна на львиных лапах и массажный душ, Колин и я. Подъездная дорожка дважды пыряет и снова взбегаёт вверх: один раз возле выезда на шоссе и один раз у самого дома. Когда мы на нее сворачиваем, Вера восторженно ахает:

— Папа приехал! Хочу к нему!

Я тоже к нему хочу. Причем всегда. Видимо, он прилетел пораньше и заехал домой на ланч, прежде чем отправиться в офис. Я опять вспоминаю о других мамашах, которые уже припарковались перед балетной студией, но теперь мне кажется, что ради того, чтобы повидать Колина, опоздать на двадцать минут совершенно не жалко.

— Мы только поздороваемся с папой, ты возьмешь свой купальник, и мы сразу уедем.

Вера вбегает в дом, как марафонец, разрывающий грудью финишную ленточку.

— Папа! — кричит она, но ни в кухне, ни в гостиной никого нет.

Только портфель, стоящий на середине стола, свидетельствует о том, что Колин приехал. Слышен шум воды в старых трубах.

— Он принимает душ, — говорю я, и Вера тут же бежит наверх.

— погоди! — кричу я ей вслед.

Вряд ли Колин обрадуется, если выйдет из ванной голый, а тут она.

Я тоже взбегаю по лестнице и раньше Веры успеваю взяться за ручку закрытой двери спальни:

— Давай сначала я войду, ладно?

Колин, стоя возле кровати, оборачивает полотенце вокруг бедер. Увидев на пороге меня, он застывает.

— Привет, — с улыбкой говорю я и утыкаюсь макушкой под его подбородок, и Колин слегка обнимает меня. — Удивлен? Заходи, Вера, — киваю я дочке, — папа почти одет.

ПРОЛОГ

— Папочка! — кричит она и, разбежавшись, целит отцу прямо в пах.

Мы не раз смеялись над этой ее привычкой. Даже сейчас, обнимая меня, Колин инстинктивно съеживается.

— Привет, Кексик, — говорит он, глядя куда-то поверх Вериной головы, как будто ждет, что на пороге вот-вот появится еще один ребенок.

Из-под запертой двери ванной выползает пар.

— Мы можем включить Вере мультики, — шепчу я. — Это на случай, если ты хочешь, чтобы кто-то потер тебе спинку.

Вместо ответа Колин неловко высвобождается из Вериных ручонков, обхвативших его за талию.

— Дорогая, может, тебе лучше...

— Что?

Мы все оборачиваемся на звук чьего-то голоса. Дверь ванной распахивается, и в спальню входит мокрая женщина, кое-как прикрывающая себя полотенцем. Очевидно, она решила, что Колин обращается к ней.

— О господи! — Покраснев, она опять скрывается в ванной и захлопывает за собой дверь.

Я вижу, как Вера выбегает из спальни, а Колин бежит за ней, слышу, как выключается душ. Колени сами собой подгибаются, и вот я уже сижу на кровати — на нашем супружеском одеяле с узором из колец. Колин купил его в Пенсильвании, в Ланкастере, у мастерицы-меннонитки. Она еще сказала, что кольцо не имеет конца и потому символизирует идеальный брак. Я закрываю лицо руками. «О боже! — думаю я. — Опять».

КНИГА ПЕРВАЯ

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

ГЛАВА 1

...Равно —
Мы спим ли, бодрствуем, — во всем, везде
Созданий бестелесных мириады
Незримые для нас...

Дж. Мильтон. Потерянный рай¹

В моей жизни происходили некоторые события, о которых я теперь не люблю говорить.

Например, мне, тринадцатилетней девочке, пришлось отвозить собаку на усыпление. А в старшей школе я пришла при полном параде на выпускной бал, но весь вечер просидела у окна: ни один мальчик ко мне не подошел. Еще я предпочитаю помалкивать о чувстве, которое испытала, когда впервые увидела Колина.

Вернее, об этом я, конечно, немного говорю, но стараюсь не упоминать о том, как сразу же поняла, что мы друг другу не пара. Колин был футбольной звездой колледжа. Его тренер пригласил меня, чтобы я подготовила Колина к экзамену по французскому. Он поспорил с ребятами из своей команды, что поцелует меня, и поцеловал: робко, обыкновенно, заученно. Однако, несмотря на свое смущение, я почувствовала себя так, будто на губах осталась позолота.

Я прекрасно понимаю, почему влюбилась в Колина, а вот почему он влюбился в меня — никогда не смогу понять.

Он говорил, что со мной становится другим человеком и быть таким ему нравится больше, чем равняться на разбитных парней из их студенческого союза. Говорил,

¹ Здесь и далее цитаты из поэмы даны в переводе А. Штейнберга.

что ему приятно, когда ценят его самого, а не его спортивные достижения. Я самой себе казалась недостаточно высокой, эффектной и изысканной для него, но предпочитала верить ему, когда он принимался меня разубеждать.

Через пять лет выяснилось, что я все-таки была права, и вот об этом я действительно не говорю.

Еще я не говорю о том, как он избегал смотреть мне в глаза, когда отправлял меня в психушку.

Пытаясь открыть заплывшие глаза, я делаю над собой нечеловеческое усилие. Веки решительно намерены оставаться сомкнутыми, чтобы не позволить мне увидеть еще что-нибудь, способное перевернуть мир с ног на голову. Но вот кто-то дотрагивается до моей руки. Наверное, Колин — кто же еще? Я все-таки приоткрываю маленькую щелочку, в глаза сразу бьет колкий, как заноза, свет.

— Мэрайя, — успокаивающе произносит мама, убирая волосы с моего лба, — ну как ты себя чувствуешь? Получше?

— Нет.

Я не чувствую себя никак. Уж не знаю, какие лекарства назначил по телефону доктор Йохансен, но кажется, будто меня закутали в толстый гибкий кокон, который двигается вместе со мной, защищая от того, что может причинить боль.

— Пора вставать, — безапелляционно заявляет мама и начинает стаскивать меня с кровати.

— Я не хочу в душ, — говорю я, норовя свернуться в клубок.

— Я тоже не хочу, — ворчит мама.

В прошлый раз она вошла в мою комнату, чтобы затащить меня в ванную, под холодную воду.

— Ты сядешь, черт возьми, даже если ради этого мне придется прежде времени отправиться на тот свет!

Я вспоминаю про гробовой столик и про урок танцев, на который Вера три дня назад так и не попала. Высвобождаюсь из маминой хватки, закрываю лицо руками, и свежие слезы катятся по лицу, как расплавленный воск.

— Ну что со мной не так?!

— С тобой все так, как бы твой кретин ни пытался запудрить тебе мозги. — Мама прикладывает ладони к моим горящим щекам. — Ты ни в чем не виновата, Мэрайя. Такие вещи предотвратить невозможно. Колин просто не стóит земли, по которой ходит. — Для пущей убедительности она плюет на ковер. — Теперь подымайся, чтобы я могла привести Веру.

— Она не должна видеть меня такой! — встрепенувшись, говорю я.

— Значит, стань другой.

— Это не так просто...

— А ты постарайся, — настаивает мама. — Сейчас речь не о тебе, Мэрайя. Подумай о дочке. Ты хочешь совсем расклеиться? Ладно, только сначала взгляни на Веру. Ты знаешь, что я права. Иначе бы не вызвала меня сюда, чтобы я присматривала за ней все эти три дня. — Смягчившись, мама добавляет: — У твоей дочери есть отец-идиот и ты. Что из этого получится, зависит от тебя.

Луч надежды на секунду пробивает мою броню.

— Вера просилась ко мне?

— Нет... — поколебавшись, отвечает мама, — но это еще ничего не значит.

Она выходит, а я поправляю подушки у себя за спиной и вытираю глаза уголком одеяла. Мама возвращается, ведя на буксире Веру. Та останавливается в двух футах от кровати.

— Привет! — говорю я и улыбаюсь, как заправская актриса.

В первые мгновения я просто люблюсь дочерью: ее криво проведенным пробором, дырочкой на месте вы-

павшего переднего зуба, облупившимся розовым лаком на ноготках. Вера скрещивает ручки и упрямо расставляет тонкие, как у жеребенка, пожки. Красивый ротик сжимается в ровную линию.

— Не хочешь посидеть со мной? — предлагаю я.

Вера не отвечает. Она вообще почти не дышит. Почувствовав внезапную боль, я понимаю, что с ней происходит. В ее возрасте я тоже верила, что если замереть и не двигаться, то и весь окружающий мир замрет.

— Вера... — Я протягиваю к ней руку, но она отворачивается и уходит.

Одна часть меня хочет ее догнать. У другой — у той, которая больше, — нет на это душевных сил.

— Она со мной не разговаривает. Почему?

— Ты мать. Ты и выясни.

Я не могу. Единственное, что я действительно знаю, — это границы моих возможностей, а потому поворачиваюсь на бок и закрываю глаза, надеясь, что мама догадается: сейчас ей лучше оставить меня в покое.

— Вот увидишь, — тихо говорит она, положив руку мне на голову, — Вера поможет тебе это пережить.

Я притворяюсь спящей и не выдаю себя ни когда слышу мамин вздох, ни когда сквозь ресницы вижу, как она убирает с моего ночного столика универсальный нож и маникюрный набор.

Несколько лет назад, когда я застала Колина в постели с любовницей, то вытерпела три ночи, а потом попыталась наложить на себя руки. Колин меня нашел и отправил в больницу. Врачи скорой помощи сказали ему, что успели меня спасти, но это не так. В ту ночь я словно бы потерялась. Перестала быть собой. О той женщине, в которую я превратилась, мне теперь даже слышать не хочется. Себя я в ней не узнаю. Я не могла есть, не могла говорить, у меня не хватало сил отбросить одеяло и встать с постели. В голове застряла одна мысль: если я больше не нужна Колину, то зачем я нужна вообще?

Сообщая о том, что меня забирают в Гринхейвен, он заплакал. Попросил прощения, но за руку не взял, не заинтересовался, чего я хочу, не посмотрел мне в глаза. Он сказал, что мне нужно лечь в больницу, чтобы не быть одной.

А я и не была одна. Уже несколько недель я была беременна Верой. Я знала о ней еще до того, как пришли результаты анализов и курс моего лечения скорректировали с учетом особенностей организма беременной женщины, склонной к суициду. Я решила не предупреждать врачей о ребенке: предоставила им разбираться самим. И только годы спустя призналась себе в том, что молчала не просто так, а надеясь на выкидыш. Я внушила себе, будто именно малыш — комочек клеток внутри меня — вынудил Колина уйти к другой женщине.

Ну а теперь моя мать говорит, что дочка не позволит мне бесповоротно увязнуть в депрессии, и это, пожалуй, не так далеко от истины. Ведь Вере уже приходилось меня спасать. Там, в Гринхейвене, моя беременность превратилась из обузы в преимущество. Люди, которые поначалу и слушать меня не хотели, стали заходить ко мне, чтобы посмотреть на мой округляющийся живот и похвалить мои порозовевшие щеки. Колин, узнав о ребенке, вернулся ко мне. Я дала дочке гойское, как говорит мама, имя Вера, потому что мне было жизненно необходимо во что-нибудь поверить.

Я сижу с телефоном в руке. Мне кажется, Колин с минуты на минуту позвонит и скажет, что у него помутился рассудок. Будет умолять меня простить ему это кратковременное сумасшествие. Ведь кому, как не мне, понимать такие вещи!

Но телефон не звонит. Примерно в два часа ночи я слышу возле дома какой-то шум. «Это Колин! — думаю я. — Приехал!»

Бегу в ванную и онемевшими от бездействия руками распутываю волосы. Проглатываю целый колпачок

ополаскивателя для рта. Потом несусь вниз по лестнице. Сердце стучит.

Темно. В холле никого нет. Я крадучись подхожу к входной двери и выглядываю в одно из окошек, обрамляющих ее. Потом осторожно отпираю замок и, скрипнув дверными петлями, выхожу на старое крыльцо.

Оказывается, это не Колин вернулся домой, а два енота роются в мусорном баке.

— Пошли вон! — кричу я, взмахивая руками.

Мой муж ставил для таких ночных гостей безопасную ловушку — клетку с захлопывающейся дверью. Когда пойманный зверек начинал кричать, Колин относил его в лес и там выпускал. А потом возвращался домой с пустой клеткой и говорил: «Абракадабра! Был енот — нет енота!»

Вместо того чтобы подняться в спальню, я заглядываю в столовую. Лунный свет отражается от полировки овального стола, в центре которого стоит миниатюрная копия нашего коттеджа. Этим я зарабатываю себе на жизнь: строю дома мечты, но не из бетона и двутавровых балок, а из палочек не толще зубочистки и из лоскутков атласа размером с ладошку. Строительным раствором служит обычный клей. Чаще всего люди заказывают копии собственных домов, но я могу сделать и старинный особняк, и арабскую мечеть, и мраморный дворец.

Свой первый кукольный домик я сделала семь лет назад в Гринхейвене. Пока другие пациенты плели мексиканский амулет «Божий глаз» или складывали оригами, я возилась с палочками от эскимо и картоном. Даже в первой моей постройке было место для всех необходимых предметов мебели, и каждому воображаемому обитателю предназначалась своя комната. С тех пор я построила около пятидесяти домиков. После того как Хиллари Клинтон заказала к шестнадцатилетию своей дочери Челси точную копию Белого дома, с Овальным кабинетом, фарфором в стеклянных шкафчиках и сшитым вручную

флагом США, я стала известной. Заказчики часто просят меня делать в дополнение к домикам еще и кукол, но от этого я отказываюсь. Пианино, даже если оно крошечное, — все равно пианино. А вот кукла, как ни вытачивай ее ручки и ножки, как ни расписывай личико, никогда человеком не станет. В груди у нее будет только дерево.

Я выдвигаю стул, сажусь и осторожно провожу пальцем по крыше нашего дома, по столбикам, поддерживающим навес над крыльцом, по шелковым бегониям в терракотовых горшках. В миниатюрной столовой стоит стол из вишневого дерева, такой же, как тот, за которым я сейчас сижу, а на нем — крошечный домик, макет макета.

Легким щелчком пальца я захлопываю входную дверь кукольного коттеджа, опускаю оконные рамы размером с почтовую марку. Задвигаю микроскопические щеколды на ставенках. Переносу бегонии на лилипутское крылечко. В общем, закрываю дом так, словно на него надвигается буря.

Колин позвонил только через четыре дня после того, как ушел.

— Это не должно было случиться так, — говорит он, видимо имея в виду, что мы с Верой не должны были ему помешать.

Наверное, мы невольно ускорили события. Но я, конечно, оставляю эту свою догадку при себе.

— У нас не получится, Мэрайя. Ты же знаешь...

Я кладу трубку, не дав ему договорить, и с головой накрываюсь одеялом.

После ухода Колина прошло уже пять дней, а Вера по-прежнему не разговаривает. Передвигаясь по дому беззвучно, как кошка, она возится со своими игрушками, берет из тумбочки видеокассеты, а на меня все время поглядывает с подозрением. Каким-то образом пробивая себе дорогу через ее молчание, моя мама догадывается,

что ввучка хочет на завтрак овсяную кашу, не может дотянуться до конструктора, стоящего на верхней полке, или ей нужно попить воды перед сном. Может, они общаются с помощью тайного языка? Я сама Веру не понимаю, а она отказывается со мной общаться, и это заставляет меня думать о Колине еще чаще.

— Сделай что-нибудь, — твердит мне мама. — Она же твоя дочь.

Биологически — да. Но общего у нас мало. Зато со своей бабушкой Вера так близка, будто просто перепрыгнула через поколение. Они обе преуспели в искусстве капризничать, обе отличаются резиновой гибкостью, а значит, и жизнестойкостью. Потому-то и странно видеть Веру неприкаянно слоняющейся из угла в угол.

— Что я могу сделать? — спрашиваю я.

— Поиграй с ней, — пожимает плечами мама. — Скажи, что любишь ее.

Ох, если бы это было так просто! Я действительно люблю Веру с рождения, но не так, как вы, наверное, думаете. Она стала для меня облегчением. Я была уверена, что, после того как я сначала мечтала о выкидыше, а потом несколько месяцев сидела на прозаке, ребенок родится с тремя глазами или с заячьей губой. Роды прошли легко, девочка оказалась здоровой. Но в наказание за дурные мысли ко мне пришло понимание того, что я не смогу сделать ее счастливой. Связь между нами порвалась, не успев возникнуть. Веру мучили колики. Целыми ночами она не давала мне спать, а когда я кормила ее, с ожесточением меня кусала. Иногда, невыспавшаяся и встревоженная, я укладывала ее в кроватку, вглядывалась в мудрое круглое личико и думала: «Что же я с тобой делаю?»

Раньше я считала, будто материнские чувства приходят к женщине сами собой. Точно так же, как появляется молоко. Это немножко болезненно и немножко страшно, но, как бы то ни было, это становится частью тебя.

И я терпеливо ждала. Ну и что, если я не умею ставить своему ребенку ректальный градусник? Ну и что, если у меня пока плохо получается пеленать? В один прекрасный день я проснусь и начну все делать правильно.

После того как Вере исполнилось три года, я перестала надеяться. По какой-то причине материнство до сих пор дается мне тяжело. Я удивляюсь женщинам, которые, имея много детей, легко и быстро усаживают их всех в машину. Сама же я не успокоюсь, пока три раза не проверю, достаточно ли хорошо Вера пристегнута. Когда я вижу, как другие мамы склоняются к своим детям, чтобы что-то сказать, я стараюсь запоминать их слова.

При мысли о необходимости докапываться до причин Вериного упрямого молчания у меня сводит желудок. Вдруг я не справлюсь? Какая же я в таком случае мать?

— Я не готова, — отпираюсь я.

— Бога ради, Мэрайя! Одейся, причешись, начни вести себя как нормальная женщина, и не успеешь оглянуться, как перестанешь притворяться, — говорит мама и, покачав головой, добавляет: — Колин десять лет внушал тебе, что ты увядающая фиалка, и ты, дурочка, ему поверила. Только много ли он понимает? На самом деле он просто до нервного срыва тебя довел.

Она ставит передо мной чашку кофе. Я знаю: для нее это уже победа, что я сижу за кухонным столом, а не валяюсь в кровати. Когда меня упрятали в психушку, она жила в Скоттсдейле, в штате Аризона, куда переехала после смерти моего отца. Но, узнав о том, что я пыталась покончить с собой, немедленно прилетела и оставалась со мной до тех пор, пока опасность, по ее ощущениям, не миновала. Мама, конечно, не ожидала, что Колин запишет меня в дурдом. Когда ей стало об этом известно, она продала свой кондоминиум, вернулась и четыре месяца ходила по юристам, добиваясь судебного постановления, запрещающего удерживать меня в больнице принудительно. Она решила, что, сдав меня в Гринхейвен, Колин по-

вел себя как предатель, и до сих пор не простила его за это. Ну а я? Даже не знаю... Иногда я соглашаюсь с мамой: дескать, в каком бы состоянии я тогда ни находилась, он все равно не имел права решать за меня. А иногда я понимаю, что Гринхейвен — одно из немногих мест на земле, где мне было комфортно. Ведь там ни от кого не ждали совершенства.

— Колин — шмок, козел, — без церемоний заявляет мама. — Слава богу, Вера пошла в тебя. Помнишь, — мама хлопает меня по плечу, — в пятом классе ты однажды получила «В»¹ с минусом за тест по математике? Ты так редела, будто ждала, что мы с отцом тебя растерзаем. А мы даже нисколько не огорчились. Ты написала как смогла. Ты старалась, и это главное. А вот теперь о тебе такого не скажешь. — Через открытую дверь кухни мама заглядывает в гостиную, где Вера рисует восковыми мелками. — Разве ты до сих пор не поняла, что воспитание ребенка — это работа, которую нельзя останавливать никогда?

Вера берет оранжевый мелок и яростно возюкает им по бумаге. Я вспоминаю, как в прошлом году она учила буквы: нацарапает на листке длинный ряд согласных и спрашивает меня, что получилось. «Фрзввлкг», — отвечаю я, и она почему-то смеется.

— Иди уже, — толкает меня мама.

Войдя в гостиную, я сразу же опрокидываю коробку с мелками.

— Извини, — говорю я и начинаю пригоршнями складывать их в жестяную коробку из-под печенья «Орео»; закончив, я встаю, но Вера смотрит на меня по-прежнему холодно. — Извини, — повторяю я, имея в виду уже не мелки.

¹ В большинстве учебных заведений США используется шкала оценивания знаний «А–F», где «А» приблизительно соответствует пятёрке, «F» — двойке, а «В» — четверке.

Пиколт Дж.

П 32 Сохраняя веру : роман / Джоди Пиколт ; пер. с англ. М. Николенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 576 с.

ISBN 978-5-389-16809-1

Мэрайя, застав мужа с другой женщиной, впадает в депрессию, а их семилетняя дочь Вера замыкается в себе и ищет утешения у подруги, которую, возможно, выдумала, а возможно, и нет. Все чаще и чаще происходят необъяснимые вещи: Вера то процитирует стих из Евангелия, хотя в доме даже нет Библии, то упомянет о давнем эпизоде из жизни своей мамы, о котором та никогда никому не говорила. По городку и за его пределами начинают циркулировать слухи о девочке, которая видит Бога в женском обличье и исцеляет больных. У дома Мэрайи и Веры собирается толпа репортеров, религиозных фанатиков и желающих исцелиться. Священнослужители проявляют настойчивое желание разобраться в ситуации.

Во что верить? Вера — мессия или просто маленькая девочка? Мэрайя — хорошая мать, пытающаяся преодолеть трудности, или шарлатанка, использующая свою дочь, чтобы вернуть внимание к себе? По мере того как разворачивается битва за опеку над Верой, Мэрайя должна понять, что силу духа не обязательно черпать в религии, ее можно найти и внутри себя...

Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОДИ ПИКОЛТ
СОХРАНЯЯ ВЕРУ

Ответственный редактор Ольга Рейнгеве́рц
Редактор Ольга Давидова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.01.2020. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 30,24.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-DJP-25286-01-R